
Рецензия на диссертацию Н.В. Виноградова «О предшественниках Дарвина и первых дарвинистах России»

Рецензия на диссертацию Н.В. Виноградова, представленную на соискание Ученой Степени «Кандидата Биологических Наук», 25 ноября 1944

Александр Федорович Котс

Актуальность темы разбираемой работы вне малейшего сомнения. В стране, ставшей давно второю родиной для Дарвинизма, всякая попытка уточнить главнейшие этапы этой «натурализации» является тем более уместной, что доселе в существующих обзорах Дарвинизма внешние условия его укоренения в России лишь едва затронуты и недостаточно известны даже большинству биологов-специалистов.

Показать, как занесенные извне идеи Дарвина, воспринятые равнодушно или с явной враждебностью на континенте, так «радушно» были встречены у нас в России, — значит приоткрыть одну из любопытнейших страниц истории культуры, интересной и для иностранного ученого, особенно теперь, при возрастающем внимании прогрессивных зарубежных стран к нашей стране.

Тем более ответственна задача — уяснить, насколько эта благодарная тематика приблизилась к решению в разбираемой работе.

Не в пример тем критикам, которые, начав со «здравия», кончают «упокоем» — мы начнем с короткого обзора пунктов негативных и сомнительных, чтобы затем уже перейти к моментам, безусловно, позитивным. —

К отрицательным, или, по меньшей мере, спорным сторонам рассматриваемой работы нам казалось справедливым отнести ряд следующих пунктов.

1. Отнесение процессора **Куторки** в число «предшественников» Дарвина, когда на самом деле речь может идти только о комментаторе или пропагандисте Дарвинизма, выступлением только **после** появления в свет «Происхождения Видов» и ничем не заявлявшем о своей причастности к идеи эволюции до выступления Дарвина и знаменитой его книги.

Более логичным представляется поэтому перемещение петербургского профессора из первой части рецензируемой книги во вторую часть вместе с другими популяризаторами или комментаторами Дарвинизма.

2. Недостаточное разделение наших крупнейших бывших корифеев Биологии и подлинных строителей науки в направлении Дарвинизма (Мечникова и обоих Ковалевских), прочно утвердившихся в дарвинистической литературе Запада и совершенно неизвестных в ней, как Антонович, — оказавшими несомненное влияние на распространение учения Дарвина, на выступавших в роли журналистов- популяризаторов, не внесших в Дарвинизм от себя ни новых фактов, ни оригинальных оплодотворяющих идей.

Более четкое разграничение «творцов науки» и ее «Интерпретаторов» казалось бы на пользу изложению и больше отвечающим биографической и исторической справедливости.

Серьезнее, чем эти два сомнения — другое возражение по существу.

Мы разумеем ряд суждений, относящихся к центральной и конечно, самой интересной, самой замечательной фигуре, обрисованной в рассматриваемой работе — именно профессора **Рулье**, могущего действительно претендовать на роль «Предшественника» Дарвина в России.

Признавая, что уклончивость и многозначность большинства высказываний Рулье по ряду основных вопросов, в частности по «видовой проблеме» — крайне затрудняют точную формулировку его подлинных воззрений (— трудности, знакомые всем комментаторам или биографам нашего первого «Зоолога-мыслителя»..), приходится сказать, что в разбираемой работе антитеза «**Дарвин и Рулье**» раскрыты недостаточно конкретно и отчетливо.

Не говоря уже о малой убедительности приложенных к работе копий с некоторых таблиц из палеонтологических работ Рулье (ибо не проанализированных с точки зрения оценки их при свете современных наших знаний) остается недостаточно доказанным, насколько подлинно реально и конкретно мыслилась означенным ученым **историческая безпредельная изменчивость живых существ** а не одна только изменчивость отдельных видов.

Также недостаточно, нам думается выдвинута разница в воззрениях **Рулье** и **Дарвина** на **факторы** изменчивости организмов, не прослежена зависимость и связь Рулье с французской Школой эволюционистов, несомненно повлиявших на воззрения русского ученого.

Эта зависимость воззрений нашего «Зоолога-Мыслителя» от таковых французской Школы тем важнее, что на ее фоне полная безвестность имени **Рулье** на Западе становится особо показательной. И неизвестность эта представляется бесспорной и не только за границей, но и для России на исходе прошлого, как и в начале нынешнего века.

В этом отношении пишущему эти строки трудно согласиться с автором рассматриваемой работы по вопросу об известности **Рулье**, как эволюциониста и настаивать на той характеристике, которая дана в цитируемой брошюре (А. Котс. «Рулье и Дарвин. — Две Характеристики» 1914).

Достаточно сказать, что ныне, как тридцать лет тому назад, в пору писания указанной брошюры, ни в одной из заграничных сводок по истории Эволюционизма Вы не найдете имени **Рулье** и это вопреки попыткам приобщить ученых зарубежных стран к знакомству с основателем «Московской Школы дарвинистов.»

Здесь достаточно упомянуть о сообщении, сделанном в Париже на одном из Съездов Французского Зоологического Общества, профессором Московского Университета Н.Ю. **Зографом**, отметившим значение и роль **Рулье** в истории Московского Университета.

И действительно, при оживленной переписке Карла Францевича с зарубежными натуралистами, особенно с ученым Жардин де Аклиматизацион — ссылаться в объяснение неизвестности **Рулье** на Западе одними ссылками на «Николаевский режим» — едва ли справедливо: Будь в распоряжение Рулье действительно решающие факты в пользу эволюции живой природы, или придавай он им реальную, бесспорно — доказуемую роль — он сообщил бы о своем открытии в своей научной мере риске, а не довольствовался бы упоминанием о них только на лекциях и в мало ходовых журналах.

Эта сдержанность **Рулье**, его несклонность излагать свои воззрения на изменчивость живых существ в академически законченной и четкой форме говорит о том, что сам он не был полностью уверен в подлинной конкретной изменяемости видов, что высказываясь в качестве эволюциониста с кафедры и в популярных очерках **Рулье** колеблется признать всеобщую изменчивость живых существ в своих научных сочинениях и еще менее пытаться объяснить ее.

Двуликий, или говоря точнее, недосказанный духовный облик нашего «Зоолога- Мыслителя» остался, таким образом, нерасшифрованным и в разбираемой книге, — недостаток, объясняемый отчасти, как уже было сказано, противоречиями высказываний самого **Рулье**.

Если к изложенным сомнительным и спорным пунктам содержания книги Н.В. **Виноградова** добавить ряд сомнений стилистического рода (проступание публицистического тона изложения и в частности повторные употребления выражений в роде «такого сорта» — даже там, где автором как будто не имеется ввиду пренебрежительность даваемого отзыва..) то мы исчерпали бы все главнейшие пробелы книги в степени достаточной для перехода к рассмотрению положительных ее сторон.

К этим позитивным сторонам работы должно отнести помимо общей установки, именно попытки увязать идеологию отдельных авторов с характеристикой эпохи, т.е. поднесения материала в отгеснении политико-экономических условий — должно отнести два следующих достижения:

I. Старательно подобранные и интересно сопоставленные выдержки различных отзывов о Дарвинизме, как они опубликовывались в разных периодических изданиях и проливающих большой и яркий свет на обстановку, при которой приходилось Дарвинизму пробивать себе признание, находить себе в нашей стране «вторую Родину».

Можно уверенно сказать, что подавляющему большинству наших историков-биологов — громаднейшее большинство этих цитат доселе оставалось неизвестным и войдет во все последующие сводки по истории Эволюционного учения в России.

II. И однако, как ни ценны для историка культуры и историка-биолога высказывания и цитаты, позаимствованные от противников учения Дарвина, — еще значительнее ценность изысканий автора рассматриваемой работы в части, посвященной дарвинистическим воззрениям процессора Анатолия Петровича **Богданова**.

Здесь — все значительно и интересно и не только во внимание к малой известности и часто абсолютной неизвестности отдельных приведенных фактов, извлеченных из архивных недр, но и самая интерпретация и смысл этих данных, представляющих **Богданова** в ином аспекте, чем это доселе рисовалось большинству зоологов даже московской школы.

Как воспитаннику Московского Университета и при том ученику и бывшему помощнику профессора **Мензбира**, пишущему эти строки тем уместнее дать объективную оценку этой новой точке зрения на отношение **Богданова** к учению Дарвина, что в убеждении «Мензбиновской Школы» — школа Анатолия Петровича Богданова всегда казалась «антидарвинистической».

Ведя свою академическую «Родословную» от общего «Учителя» — **Рулье**, московские зоологи уже со времени ближайших двух учеников его, **Богданова** и **Усова**, разбились на две школы: «Усовцев» (Борзенков, Северцев, Мензбир, Сушкин, Кольцова) и «Богдановцев» (Н.Ю. **Зографа**, Тихомирова, Кулагина, Бого-явленского, Кожевникова и других).

Потому ли, что среди последних выступал на положении «Антидарвиниста» **Тихомиров**, или потому, что среди первой группы выдвинулся в роли дарвиниста **Мензбир**, но борьба зоологических «Монтекки» и «Копулетти», длившаяся целые десятки лет, передаваясь в ряде поколений молодых зоологов невольно побуждала их переносить воззрения означенных двух представителей московской профессуры и на соответственные «школы», представлявшие по суждению большинства зоологов и еще в большей степени студенчества (не говоря уже о «публике») как относившиеся к двум различным школам: «Антидарвинистической», «**Богдановцев**» и «**Мензбировам-Дарвинистам**».

Легковесное, необоснованное это разделение держалось тем упорнее, что сам **Богданов** вообще печатал мало и что диссертация его касалась темы специальной и дарвинистически нейтральной, между тем как **Усов** хорошо известен был обширной докторской работой, посвященной одному из самых основных вопросов Дарвинизма («Таксономические группы и Единицы»), замечательным трудом, в котором автор выступал открыто убежденным дарвинистом.

Так или иначе, но ложное, ошибочное приурочивание двух московских школ к воображаемым двум школам «Дарвинистам» и «противников его» было весьма упорно, а в известных отголосках удержалось и донные.

Тем уместнее и своевременнее было навсегда покончить с этим архаизмом и академическим анахронизмом, показав всю мнимость и ошибочность приписывания А.Н. **Богданову** антидарвинистических тенденций или устремлений.

Лишь таким путем возможно было выправить биографическую и культурно- историческую неправду и тем самым вправить в подлинное историческое русло деятельности ряда выдающихся «Богдановцев» профессоров **Зографа**, **Кулагина**, Элия Анатолиевича **Богданова** и других.

Эту нужную и ценную работу, как историка науки превосходно выполняет автор рецензируемой работы, разбивая навсегда миф «Антидарвинизма» Школы Анатолия Петровича **Богданова**.

Взятое в целом рецензируемое исследование Н.В. **Виноградова** — при всех вышеуказанных отдельных недочетах может быть охарактеризовано, как в высшей степени полезное для каждого историка-биолога и дарвиниста, как **необходимое** для каждого преподавателя учения Эволюции и Дарвинизма в Высшей Школе.